

Ю.Г. КОРГУНЮК*
**ТЕОРИЯ РАЗМЕЖЕВАНИЙ
И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Аннотация. В статье излагается, каким образом использование математических методов оптимизирует изучение электоральных размежеваний и политических (суб)измерений. Отмечено, в частности, что факторный анализ позволяет вычленять не только главное размежевание, но и менее заметные, лежащие в его тени, а также редуцировать множество межпартийных противостояний по отдельным вопросам (issues) к политическим измерениям (issue dimensions) и субизмерениям в отдельных предметных областях (issue domains).

Корреляционный и регрессионный анализ дают возможность проверить, в какой мере пространство электоральных размежеваний конгруэнтно пространству политических (суб)измерений и социально-демографических факторов. Полученные в результате показатели – факторные нагрузки электоральных размежеваний, политических (суб)измерений и социально-демографических факторов, квадраты коэффициентов парной и множественной регрессии (коэффициенты детерминации) – образуют базу для создания новых инструментов измерения размежеваний: коэффициентов максимального и эффективного ареалов, а также коэффициентов политизации и социализации электоральных размежеваний.

Ключевые слова: математические методы в политической науке; электоральные размежевания; политические измерения; инструменты измерения электоральных размежеваний.

Для цитирования: Коргунюк Ю.Г. Теория размежеваний и количественные методы в политической науке // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 95–126. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.04>

* **Коргунюк Юрий Григорьевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: partinform@mail.ru
DOI: 10.31249/poln/2023.04.04

Массовая компьютеризация – пожалуй, одна из главных новаций, коснувшаяся всех областей научного знания, включая социальное и гуманитарное. Она не только сильно облегчила процесс создания и редактирования текстов (хотя и это многого стоит), но и сделала возможным широкое применение количественных методов.

Эти методы начали применяться еще в первой половине XX в., когда никаких компьютеров и в помине не было. Первые компьютеры – так называемые большие компьютеры – работали медленно, ввод информации был крайне трудоемким, а желающих воспользоваться ими было очень много, и отнюдь не гуманитарии стояли первыми в очереди. Все это не могло не замедлять развитие ряда перспективных направлений, в том числе теории размежеваний С. Липсета и С. Роккана.

В первоначальной версии эта теория объясняла эволюцию партийных систем стран Западной Европы (точнее, северной ее части) фундаментальными конфликтами социальных интересов, воспроизводимыми на протяжении долгого времени: 1) между центром и периферией (столичными и региональными элитами); 2) государством и церковью (религиозно и секулярно настроенными избирателями); 3) сельскими хозяевами и промышленниками; 4) работодателями и наемными работниками [Lipset, Rokkan, 1967].

Большинство авторов редактируемой Липсетом и Рокканом коллективной монографии «Партийные системы и структура электората» [Lipset, Rokkan, 1967 a] пытались отследить эти размежевания посредством так называемого метода экологических исследований (ecological studies) – скрупулезного анализа результатов голосования за кандидатов от различных партий в близлежащих территориальных единицах. Например, если округа с более зажиточным населением голосовали за консервативные и либеральные партии, а округа с более бедным населением – за социалистические, это приводило исследователей к выводу о связи между социальным положением избирателей и их политическими предпочтениями.

Наличие в распоряжении исследователей персональных компьютеров и соответствующего программного обеспечения позволило бы им воспользоваться целым набором методов статистического анализа – корреляционным, регрессионным, факторным и пр. – и обнаружить с их помощью не только наиболее очевидные размежевания, но и лежащие в их тени. И тогда выводы опирались

бы не только на гипотезы, но и на цифры и при этом открывали бы пути для дальнейших исследований.

Однако в середине 1960-х доступ политологов и социологов к компьютерам был, мягко скажем, ограничен, да и потребность во владении минимальным набором математических методов еще не казалась очевидной.

С течением времени положение дел менялось, и уже к 1980-м годам в рамках проекта «Манифесто», изучавшего структуру политического пространства на базе исследования вопросов (issues) из предвыборных платформ и программ политических партий и положившего начало теории проблемных измерений (issue dimensions theory), методы статистического анализа, в том числе факторный анализ, а, следовательно, и компьютеры, использовались весьма активно [Budge et al., 1987]. Но опять же, персональные компьютеры в то время были слабыми, и расчеты приходилось делать на «больших» компьютерах, что требовало значительных трудозатрат. В результате не очень удачное использование факторного анализа (подробнее см.: [Коргунюк, 2019; Korgunyuk, 2020]) надолго отбило у авторов проекта охоту использовать более-менее сложные методики. В результате они отказались, например, от факторного анализа, перейдя к более простой процедуре помещения партий в право-левое пространство: процент «левых» высказываний вычитали из процента «правых», после чего делался вывод, левой или правой является партия [Budge, Nomola, 2012, p. 75].

В 2000-х годах персональные компьютеры и соответствующее программное обеспечение уже имелись практически у всех исследователей. Так, А.С. Ахременко, готовя монографию «Структура электорального пространства» [Ахременко, 2007], был достаточно свободен в выборе средств. Активно применяя для выявления и интерпретации электоральных размежеваний корреляционный, факторный и регрессионный анализ, он в одиночку и в гораздо более короткие сроки выполнил работу, которую еще в 1980-е годы приходилось делать большим коллективом.

Новые средства существенно расширили возможность экспериментировать и искать новые пути, а главное, теснее приблизиться к предмету изучения. Ведь в основополагающей работе Липсета и Роккана [Lipset, Rokkan, 1967] размежевание (cleavage) являлось скорее некой спекулятивной конструкцией вроде марсианских каналов, которые были видны в слабенький телескоп, но при реальном

приближении растворялись в рельефе. Выявляемые многими авторами коллективной монографии [Lipset, Rokkan, 1967 a] размежевания зачастую не совпадали с теми, которые обозначили сами Липсет и Роккан [Lipset, Rokkan, 1967], – судя по всему, их собственная концепция сформировалась лишь к концу работы над книгой, и коллеги просто не успели с нею ознакомиться.

Более конкретные исследования, особенно с использованием математических методов, показали, что реальные размежевания не вписываются в «классическую» схему. Так, авторы монографии о посткоммунистических партийных системах Центральной и Восточной Европы Г. Китчелт, З. Мансфелдова, Р. Марковски и Р. Тока выявили ряд размежеваний (которые они, правда, предпочитали называть «водоразделами» и «измерениями»), не фигурирующих в монографии 1967 г.: «социальные протекционисты против рыночных либералов», «светские либералы против религиозных авторитаристов», «либералы против авторитаристов в политической сфере», «либералы против авторитаристов в социокультурной сфере» [Kitschelt et al., 1999, p. 226, 235, 259].

Дело даже не в том, что Липсет и Роккан в принципе игнорировали политическое содержание обозначенных ими «кливажей» – иначе им пришлось бы признать, что относительно стабильная социальная база не исключает широкого спектра политических противостояний, иногда самым причудливым образом накладывающихся друг на друга. Просто исследователи посткоммунистических партийных систем подошли ближе к микроуровню, чем Липсет и Роккан. Используя развитые математические методики (включая факторный анализ), они изначально были готовы к обнаружению паттернов, не совпадающих с «классическими» эталонами. Неудивительно, что эти паттерны не замедлили обнаружиться.

Можно даже утверждать, что применение математических методик сделало неизбежным открытие таких паттернов, поскольку любая конкретизация знания выводит на свет множество неточностей и натяжек в прежних представлениях о предмете изучения.

В данной статье автор постарался показать, как компьютерное применение математических методов конкретизирует знание о размежеваниях и позволяет перевести их исследование на новый уровень. С этой целью подробно описана процедура выявления и политической интерпретации электоральных размежеваний, а также определения их социальной базы. Также продемонстрированы

возможности математических методов для решения конкретных проблем, связанных с применимостью концепции размежеваний к анализу ситуации в режимах электорального авторитаризма.

Методология: от предположений к измерению

Первое, что бросалось в глаза ученым, использовавшим для выявления электоральных размежеваний методику «экологических исследований», – это то, что результаты одних партий в разных избирательных округах колеблются в такт друг с другом, а других – наоборот, в контрфазе. Из этого можно было сделать выводы относительно политического содержания наблюдаемых размежеваний: если, например, результаты аграрных партий колеблются в такт с результатами социал-демократов, но в контрфазе с результатами либералов и консерваторов, то, очевидно, имеет место доминирование размежевания по линии «социалисты – “буржуазные” партии». Если же, напротив, результаты аграриев резонируют с результатами консерваторов, но приходят в противоречие с результатами либералов и социал-демократов, то, скорее всего, доминирует либерально-консервативное противостояние.

Но эти наблюдения носили гипотетический характер, не выявляя силу указанных взаимосвязей и тем более не выражая их в конкретных цифрах. С этой задачей неплохо справляется корреляционный анализ, однако он выделяет только наиболее очевидную тенденцию. В применении к выборам в постсоветской России (начиная с 2003 г.) этой тенденцией были отрицательные парные корреляции между результатами «Единой России» и большинства остальных участников выборов [Коргунюк, 2013; Коргунюк, 2017; Коргунюк, 2019 а]. Обнаружить с помощью корреляционного анализа, скрываются ли под спудом этого размежевания какие-то другие, затруднительно. Для этого нужны более сложные методы, в частности факторный анализ.

Факторный анализ и электоральные измерения

Факторный анализ «редуцирует» данные, сжимая переменные в более компактные группы, обозначаемые как факторы. Он при-

сваивает переменным (variables), в роли которых выступают партии, факторные нагрузки (factor loadings), колеблющиеся в интервале от -1 до 1 . «Лицо» каждого из факторов определяют переменные с наиболее расходящимися факторными нагрузками. Случаям же (cases), в роли которых выступают территориальные единицы, т.е. субъекты Федерации, факторный анализ присваивает факторные оценки (factor scores), которые колеблются в более широком диапазоне, – здесь нас больше всего интересуют те случаи, чьи факторные оценки – отрицательные и положительные – превышают по модулю единицу. Они представляют своего рода полюса, где наиболее ярко проявляется суть соответствующих факторов.

Так, по результатам выборов 2021 г. факторный анализ выделил три размежевания (табл. 1). Правильнее, конечно, говорить не о размежеваниях, а о факторах территориальных различий в партийном голосовании. Являются ли они размежеваниями, а не случайными флуктуациями, предстоит выяснить позже.

Таблица 1

**Факторы территориальных различий
в голосовании за партии в 85 субъектах РФ**

Variable	Способ извлечения: метод главных компонент (Выделенные нагрузки $> .700000$)		
	Factor 1	Factor 2	Factor 3
Недействительные бюллетени	-0,801	0,210	0,027
КПРФ	-0,686	0,402	0,158
РЭП «Зеленые»	-0,629	-0,091	0,206
ЛДПР	-0,713	0,170	-0,251
«Новые люди»	-0,855	0,167	0,162
«Единая Россия»	0,960	-0,152	0,040
«Справедливая Россия – За Правду»	-0,571	-0,054	-0,325
«Яблоко»	-0,476	-0,756	-0,027
Партия роста	-0,300	-0,815	0,034
Российская партия свободы и справедливости	-0,617	-0,318	0,100
КП «Коммунисты России»	-0,784	0,272	0,025
«Гражданская платформа»	0,019	-0,042	0,870
«Зеленая альтернатива»	-0,810	-0,351	0,060
«Родина»	-0,063	-0,147	-0,377
Российская партия пенсионеров за социальную справедливость	-0,887	0,128	-0,094
Expl. Var	6,757	1,871	1,189
Prp. Totl	45,04%	12,47%	7,92%

Первым фактором было то самое размежевание, которое становилось заметно уже при использовании корреляционного анализа: «Единая Россия» против всех остальных участников, но прежде всего против Российской партии пенсионеров, «Новых людей», «Зеленой альтернативы», «Коммунистов России» и ЛДПР. Как видим, расхождение в факторных нагрузках охватывает едва ли не весь интервал от -1 до $+1$.

В группу регионов с факторными оценками ниже -1 по этому размежеванию вошли субъекты Федерации, в которых «Единая Россия» получила меньше всего голосов: Хабаровский край, Карелия, Санкт-Петербург, Москва и пр. (табл. 2). Напротив, факторные оценки, превышающие $+1$, были прежде всего у республик Северного Кавказа, где «партия власти» набирала 80 и более процентов голосов.

Таблица 2

**Факторные оценки субъектов Федерации по первому фактору
территориальных различий в партийном голосовании
с факторными оценками ниже -1 и выше $+1$**

Регион	Факторные оценки	Процент голосов за «Единую Россию»
Хабаровский край	$-1,854$	24,51
Карелия	$-1,701$	31,69
Санкт-Петербург	$-1,311$	34,99
Москва	$-1,261$	36,97
...	...	...
Дагестан	2,004	81,18
Тува	2,122	85,34
Ингушетия	2,194	81,18
Карачаево-Черкесия	2,245	80,06
Кабардино-Балкария	2,403	79,20
Чечня	2,675	96,13

Что касается двух других факторов территориальных различий в партийном голосовании, то второй заключался в противостоянии «старых» рыночных либералов («Яблоко» и Партия роста) коммунистам (КПРФ и КПКР), третий – в конкуренции «Гражданской платформы» с «Родиной», «Справедливой Россией» и ЛДПР (табл. 1).

Но как понять, являются ли эти факторы размежеваниями с выраженным политическим содержанием? Ведь, допустим, противостояние «Единой России» всем остальным участникам выборов может объясняться результатом административного прессинга на

избирателей, а в некоторых регионах – и откровенным вбросом бюллетеней. Для этого необходимо сравнить положение партий в электоральном пространстве с их положением в пространстве политическом. Если в результате обнаруживается определенное совпадение, это не может быть простой случайностью.

Если в политическом пространстве сложилась некая система противостояний, не связанная с доминированием «Единой России» над остальными участниками, вброс голосов в пользу «партии власти» исказит главенствующие тенденции и никакой конгруэнтности между электоральным и политическим пространствами не обнаружится.

Политическое пространство: измерения и субизмерения

Как же вычленить структуру межпартийных противостояний в политическом пространстве? Прежде всего нужно выделить актуальные вопросы политической повестки, порождающие в межпартийной дискуссии наибольшую поляризацию позиций. Автор занимается этим с начала 1990-х (база данных «ПартАрхив»¹); с 2015 г. в ежедневном режиме проводится мониторинг партийных позиций по этим вопросам, проставляются оценки по шкале от -5 до +5, где -5 – резко отрицательная позиция, +5 – резко положительная, а 0 – центристская или отсутствующая (исходя из принципа: «и нашим и вашим» = «ни нашим ни вашим»).

Подробно о методике рассказано в других работах [Коргунюк, 2013; Коргунюк 2017; Коргунюк, 2019; Коргунюк, 2019 а], вкратце же она такова.

Вопросы разделены на две группы: 1) более или менее долгосрочные, содержащиеся в официальных партийных документах (программах, манифестах, платформах, заявлениях, обращениях и т.п.) и 2) ситуативные, позиции по которым могут меняться достаточно быстро; их источник – публичные высказывания представителей партии (прежде всего лидеров).

Основные пункты на этой шкале – «резко отрицательное отношение» (-4), «умеренно отрицательное» (-2), нейтральное или

¹ Вся российская многопартийность в одном флаконе. – Режим доступа: <http://www.partinform.ru/pa98> (дата посещения: 11.08.2023).

отсутствующее (0), «умеренно положительное» (+2) и «безусловно положительное» (+4). Соответствующие оценки присваиваются вопросам, содержащимся только в партийных документах (долгосрочные вопросы) или упоминающимся только партийными лидерами (вопросы ситуационные).

Публичные выступления других партийных представителей могут корректировать эти баллы. Например, если представители партии активно и единогласно придерживаются безусловно положительной (отрицательной) позиции по тому или иному вопросу, оценка доводится до +5 (-5), если эту позицию оспаривают не очень влиятельные спикеры, оценка остается на уровне +4 (-4); при росте числа и политического веса участников внутрипартийной дискуссии, оценка может быть скорректирована до +3 (-3).

То же самое касается умеренно позитивной (негативной) позиции: если влиятельные представители требуют ее радикализации, оценка может быть скорректирована до +3 (-3), если, наоборот, требуют большей умеренности, смягчена до +1 (-1). В случае разногласий между представителями одной и той же партии средний балл выводится с учетом политического веса каждого дискуссанта.

Если партия имеет центристскую позицию по вопросу или не имеет никакой, но некоторые не очень влиятельные ее представители вербализуют умеренно отрицательную или умеренно положительную позицию, оценка может быть скорректирована до +1 (-1).

В каждом случае партийная позиция оценивается индивидуально, когда это возможно, к обсуждению привлекаются другие эксперты (это редко приводит к изменению оценок, но позволяет как минимум исправить «глазные» ошибки).

В качестве примера возьмем оценку партийных позиций по вопросу об отношении к муниципальному фильтру на губернаторских выборах (табл. 3, см. приложение).

Только две из 14 партий, участвовавших в выборах-2021 по пропорциональной системе, – Российская партия пенсионеров за социальную справедливость и «Зеленая альтернатива» – никак не коснулись данной проблемы.

Три партии – КПРФ, «Справедливая Россия – За Правду» и «Яблоко» – обозначили резко негативную позицию как в документах (здесь они не приводятся ради экономии места, к тому же эти документы датированы более ранним периодом), так и в публичных выступлениях своих представителей; оценка –5.

У «Новых людей» требование отмены муниципального фильтра содержалось в предвыборной платформе, но в публичных выступлениях ее представители этого вопроса не касались, отсюда оценка –4.

«Единая Россия» в своих документах данный вопрос не упоминает, но как «партия власти» она несет ответственность за его сохранение; уже этого достаточно, чтобы ей была выставлена оценка +5; однако в августе 2020 г. лидер думской фракции ЕР С. Неверов выразил готовность обсудить идею отмены фильтра для парламентских партий, поэтому оценка понижена до +4.

В документах ЛДПР вопрос муниципального фильтра не затрагивается; ранее ее представители неоднократно выступали с критикой этой нормы, но во время избирательной кампании 2021 г. представительница партии, спикер ЗС Хабаровского края И. Зикунва фактически высказалась в поддержку высокого муниципального фильтра в регионе, поэтому оценка партийной позиции – +1.

«Коммунисты России», «Зеленые», Партия роста, «Родина» при общем негативном отношении к муниципальному фильтру осмелились высказаться лишь за его снижение, отсюда оценка –1. «Гражданская платформа» и Российская партия социальной справедливости обошли проблему в документах, но их представители выступали с острой критикой нормы или даже требовали ее отмены; оценка – –2.

В ходе избирательной кампании 2021 г. было зафиксировано 186 вопросов, вызвавших поляризацию партийных позиций. Факторный анализ позиций партий, допущенных к выборам, выявил четыре фактора – вслед за Й. Баджем и его коллегами по проекту «Манифесто» будем называть их политическими измерениями (issue dimensions) (табл. 4).

Ориентируясь на наиболее расходящиеся факторные нагрузки, можно сделать выводы относительно того, какие партии противостоят друг другу по каждому политическому измерению.

Так, внутри первого политического измерения «Единая Россия», у которой факторная нагрузка имеет положительное значение, противостоит всем остальным участникам, но в первую очередь КПРФ, «Коммунистам России», ЛДПР, «Справедливой России – За Правду» и «Родине», имеющим наибольшие отрицательные факторные нагрузки. Внутри второго политического измерения «Единая Россия» противостоит либералам, прежде всего «Яблоку».

Таблица 4

Основные политические измерения на думских выборах 2021 г.

Variable	Способ извлечения: метод главных компонент (Выделенные нагрузки > ,700000)			
	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4
КПРФ	-0,788	-0,065	-0,445	-0,181
РЭП «Зеленые»	-0,530	0,252	0,435	0,361
ЛДПР	-0,716	0,141	-0,063	0,130
«Новые люди»	-0,251	-0,598	0,216	-0,310
«Единая Россия»	0,135	0,838	0,187	0,053
«Справедливая Россия – За Правду»	-0,839	0,158	-0,133	-0,065
«Яблоко»	-0,141	-0,862	0,206	0,037
Партия роста	-0,540	-0,382	0,513	-0,078
Российская партия свободы и справедливости	-0,459	-0,384	-0,190	0,293
«Коммунисты России»	-0,812	-0,020	-0,371	-0,089
«Гражданская платформа»	-0,565	0,292	0,439	0,148
«Зеленая альтернатива»	-0,094	-0,266	-0,179	0,805
«Родина»	-0,729	0,387	-0,115	-0,110
Российская партия пенсионеров за соц. справедливость	-0,575	0,081	0,321	-0,186
Expl.Var	4,572	2,522	1,311	1,100
Ppr.Totl	32,65%	18,01%	9,36%	7,86%

Если факторные нагрузки позволяют выявить главных участников соответствующих противостояний, то факторные оценки (factor scores), присваиваемые вопросам (cases), помогают понять, какие из них в наибольшей степени поляризуют партийные позиции по каждому из факторов (измерению). Самые большие по модулю факторные оценки как раз у таких вопросов.

Поскольку вопросов оказалось довольно много, они были разбиты на четыре группы (issue domains): 1) вопросы внутренней политики; 2) социально-экономические; 3) вопросы внешней политики; 4) мировоззренческие вопросы. Каждая из этих групп также была подвергнута факторному анализу, внутри них выделены отдельные субизмерения, каждое проинтерпретировано отдельно.

К сфере «Внутренняя политика» был отнесен 51 вопрос, касающийся политического устройства государства, проведения выборов, функционирования органов власти и других политических институтов и т.п. Факторный анализ выделил здесь три противостояния (субизмерения):

1) власть против оппозиции («Единая Россия» против всех остальных, в первую очередь КПРФ, «Коммунистов России», «Яблока», Партии роста, «Новых людей»); вопросы, вызвавшие наибольшую поляризацию (т.е. с самыми большими положительными либо отрицательными факторными оценками), – использование властью административного ресурса на выборах, расширение полномочий представительной власти, всенародное избрание глав местного самоуправления, отмена муниципального фильтра, сокращение пропорциональной системы выборов, ограничения в интернете, практика многодневного голосования, ограничения на проведение митингов (табл. 5);

2) лоялисты против оппозиционеров («Родина», РЭП «Зеленые», «Гражданская платформа» и др. против Российской партии социальной справедливости, «Яблока» и КПРФ); поляризующие вопросы – оценка политического режима в России как авторитарного, отношение к А. Навальному и его проектам, отношение к В. Путину и его поправкам в Конституцию;

3) особая позиция «Зеленой альтернативы» по ряду вопросов, в основном связанных с борьбой с коронавирусом.

Таблица 5

**Поляризация по фактору «Власть против оппозиции
(внутренняя политика)»**

Вопросы	КПРФ	«Новые люди»	«Единая Россия»	«Яблоко»	Партия роста	«Коммуни- сты Рос- сии»	Фактор- оценки
Использование властью на выборах административного ресурса	5	5	-5	5	5	5	-1,575
Расширение полномочий представительной власти за счет исполнительной	4	5	-4	5	5	4	-1,382
Всенародное избрание глав местного самоуправления	5	5	-5	5	5	5	-1,138
Отмена муниципального фильтра	5	5	-4	5	5	5	-1,136
...	...	...	...	...	...	..	..
Сокращение пропорциональной системы выборов в пользу мажоритарной	-5	-5	4	-5	0	-5	1,547
Ограничения в интернете	-4	-5	5	-5	-5	-4	1,696
Практика многодневного голосования	-5	0	5	-5	-5	-5	1,814
Ограничения на проведение митингов	-5	-3	5	-5	-5	-5	1,967

В социально-экономической предметной области (54 вопроса) обнаружены следующие субизмерения:

1) власть против оппозиции («Единая Россия» против остальных, прежде всего КПРФ, «Коммунистов России», «Родины», «Справедливой России – ЗП», ЛДПР); поляризующие вопросы – возвращение прежнего пенсионного возраста, отмена взносов на капремонт, отношение к «оптимизации» здравоохранения и образования, «мусорной» реформе, политике Центробанка и правительства и т.п.;

2) либералы («Новые люди», Партия роста, «Яблоко») против «Зеленой альтернативы»; «мусорная» реформа, распределение между гражданами природной ренты (безусловный базовый доход), перераспределение налогов в пользу регионов и муниципалитетов и некоторые другие (по большинству из них у ЗА позиция отсутствовала);

3) либералы и экологи против социал-протекционистов (КПРФ, «Коммунисты России», «Справедливая Россия – ЗП», Российская партия пенсионеров); «мусорная» реформа, распределение природной ренты, преимущества частной собственности перед государственной, пересмотр итогов приватизации 1990-х.

Во внешнеполитической сфере (46 вопросов) – три субизмерения:

1) «ястребы» против «голубей» (коммунисты и «патриоты» против «Яблока» при нейтралитете «Новых людей» и «Зеленой альтернативы»); Крым, Украина, поддержка путинской внешней политики, приоритет российского права над международным, малайзийский «Боинг» и пр.;

2) авторитаристы против демократов (КПРФ, «Единая Россия», «Родина» против экологов, РПСС и либералов); закон о нежелательных организациях, события 2020 г. в Белоруссии и пр.

3) «Новые люди» против РПСС и «Справедливой России – ЗП»; контроль над деятельностью иностранных соцсетей и IT-ресурсов, необходимость жесткого внешнеполитического курса, внешнеполитический поворот России на восток и др.

В мировоззренческой области (42 вопроса) – четыре субизмерения:

1) либералы («Яблоко») против консерваторов (коммунисты, «Родина», «Справедливая Россия – ЗП»); защита традиционных

ценностей, преследование за пропаганду ЛГБТ, отказ от ЕГЭ, патристическое воспитание молодежи и пр.;

2) советские традиционалисты (КПРФ и КР) против прогрессистов (Партия роста, РЭП «Зеленые», «Новые люди»); отношение ко Дню России (12 июня), преимущество частной собственности перед государственной, самобытный путь России, неприятие капитализма, Октябрьская революция;

3) «Новые люди» против «Родины», ЛДПР, «Зеленой альтернативы», «Единой России»; ограничения, связанные с коронавирусом, самобытный путь России, госконтроль за просветительской деятельностью, отношение к Ельцину;

4) «Единая Россия» против РПСС и «Гражданской платформы»; расхождения по частным пунктам.

Как видим, многие субизмерения связаны с новыми партиями. У некоторых из них («Новые люди», «Зеленая альтернатива») просто отсутствовала позиция по значимым для основных участников выборов вопросам, а у Российской партии социальной справедливости набор мнений был весьма экзотическим: РПСС резко оппонировала власти в вопросах внутренней политики, занимала «ястребиные» позиции во внешней политике, сближалась с коммунистами в социально-экономических вопросах и не отличалась особенной последовательностью в мировоззренческих.

Далее с помощью корреляционного анализа было определено, с какими субизмерениями в наибольшей степени связаны основные политические измерения (табл. 6). Первое основное политическое измерение сильнее всего коррелировало с противостоянием власти и оппозиции в социально-экономической сфере, второе – с противостоянием «ястребов» и «голубей» во внешнеполитической сфере и лоялистов и оппозиционеров во внутривнутриполитической, третье – с противостоянием советских традиционалистов и прогрессистов в мировоззренческой сфере, четвертое – с противостоянием либералов и социал-протекционистов в социально-экономической сфере и особым местом «Зеленой альтернативы» в вопросах внутренней политики.

Можно сказать, что первое политическое измерение имело преимущественно властно-оппозиционную специфику с социально-экономическим уклоном; второе было связано с противостоянием «ястребов» и «голубей» во внешнеполитической сфере и оппозиционеров и лоялистов во внутривнутриполитической; третье имело в

целом мировоззренческую природу, будучи связанным с отношением к советскому прошлому; четвертое сочетало противостояние либералов-рыночников и социал-протекционистов и специфику позиций «новых» партий.

Таблица 6

**Корреляционные связи между основными
политическими измерениями и субизмерениями
из отдельных политических областей в пространстве
межпартийной дискуссии на выборах-2021**

Variable	Корреляции Выделенные корреляции значимы при $p < 0,05000$ N=14 (количество случаев)			
	Политическое измерение – 1	Политическое измерение – 2	Политическое измерение – 3	Политическое измерение – 4
Внутриполитическое: власть – оппозиция	0,592 p=,026	0,708 p=,005	0,246 p=,397	0,320 p=,265
Внутриполитическое: лоялисты – оппозиционеры	-0,178 p=,543	0,758 p=,002	0,481 p=,082	-0,056 p=,849
Внутриполитическое: «Зеленая альтернатива»	-0,262 p=,365	0,015 p=,961	0,223 p=,444	-0,891 p=,000
Социально-экономическое: власть – оппозиция	0,875 p=,000	0,239 p=,410	0,361 p=,205	0,238 p=,414
Социально-экономическое: «Новые люди» – «Зеленая альтернатива»	0,229 p=,431	-0,515 p=,060	0,679 p=,008	-0,490 p=,076
Социально-экономическое: рыночники – социал- протекционисты	0,540 p=,046	-0,184 p=,530	0,393 p=,165	0,822 p=,000
Социально-экономическое: «Новые люди» против лоялистов	0,045 p=,879	-0,645 p=,013	-0,417 p=,138	0,033 p=,910
Внешнеполитическое: «ястребы» – «голуби»	0,571 p=,033	-0,803 p=,001	0,167 p=,568	0,162 p=,580
Внешнеполитическое: авторитаристы – демократы	-0,209 p=,473	0,512 p=,061	-0,270 p=,351	-0,636 p=,014
Внешнеполитическое: «Новые люди»	0,165 p=,573	-0,351 p=,219	0,508 p=,064	-0,539 p=,047
Мировоззренческое: либе- ралы – консерваторы	0,639 p=,014	-0,623 p=,017	0,521 p=,056	0,371 p=,192
Мировоззренческое: совет- ские традиционалисты – прогрессисты	0,193 p=,509	-0,085 p=,773	0,897 p=,000	-0,251 p=,387
Мировоззренческое: «Новые люди» – «Зеленая альтернатива»	0,299 p=,300	0,307 p=,286	0,063 p=,830	0,795 p=,001

Эта картина весьма сильно отличается от сложившейся ранее. На протяжении всех прошлых избирательных кампаний (1993–2021) факторный анализ последовательно выделял в политическом пространстве России три основных измерения: 1) социально-экономическое; 2) авторитарно-демократическое; 3) системное, т.е. сочетание внешнеполитического и мировоззренческого [Коргунюк, 2013; Коргунюк, 2017; Korgunyuk, 2014].

Первое доминировало на европейской сцене на протяжении практически всей второй половины XX в. Его сердцевиной было «соотношение уровня налоговой нагрузки и социальных обязательств» («...партии правого центра отстаивают интересы налогоплательщиков, партии левого центра – интересы групп населения, получающих социальные выплаты и льготы или заработную плату за счет бюджета» [Гайдар, 2005, с. 635]), а само оно измерялось шкалой «социальное обеспечение / налоги» [Далтон, 2004, с. 240]. Социально-экономический характер по преимуществу носило «право-левое» размежевание у Й. Баджа [Budge et al., 1987], а также противостояние «социальные протекционисты против рыночных либералов» у Г. Китчелта и коллег [Kitschelt et al., 1999].

Авторитарно-демократическое измерение бытовало в Западной Европе (особенно в южной ее части) на протяжении значительной части XX в., но утратило актуальность после развала «социалистического лагеря». Вместе с тем оно по сию пору широко распространено в постсоветских странах и Латинской Америке [Stoll, 2004, p. 32; Torcal, Mainwaring, 2002; Ахременко, 2007], а в последнее время дает о себе знать и в некоторых странах Центральной и Восточной Европы [Sata, Karolewski, 2020]. В целом авторитарно-демократическое измерение проявляет себя в тех странах, где либо нарастают тенденции к электоральному авторитаризму (постсоветское пространство), либо еще жива память о недавней диктатуре (Чили) [Torcal, Mainwaring, 2002].

Третье измерение я условно называю системным – в целом оно соответствует социокультурному измерению западных демократий [Albright, 2010; Lachat, 2018; Rovny, Polk, 2019; Rovny, Whitefield, 2019]. Его можно считать полем битвы между сторонниками открытости либо закрытости общественных систем. Эта открытость / закрытость носит как временной, так и пространственный характер – в первом случае оппоненты ориентируются на

будущее / прошлое, во втором – на интеграцию наднациональных организаций или, наоборот, на изоляционизм.

Временную версию можно наблюдать в противопоставлении материалистов и постматериалистов [Inglehart, 1990], новой и старой политики [Franklin, 1992]. Пространственная версия находит выражение в противостоянии между демаркационистами и интеграционистами (т.е. теми, кто выиграл от глобализации, и теми, кто не выиграл) [Kriesi et al., 2012], универсалистами и партикуляристами [Häusermann, Kriesi, 2015], космополитами и коммунитаристами [Teney et al., 2014]. Существуют также комбинированные варианты, которые противопоставляют либертарианцев-универсалистов традиционалистам-коммунитаристам [Bornschier, 2010] или зеленых / альтернативистов / либертарианцев – традиционалистам / авторитаристам / националистам – GAL / TAN [Hooghe et al., 2002; Hooghe, Marks, 2018].

В 1993–2011 гг. иерархия политических измерений в России была следующей: на первом месте почти всегда было социально-экономическое, на втором – системное, на третьем – авторитарно-демократическое.

В 2012 г. авторитарно-демократическое измерение вышло вперед, оттеснив социально-экономическое и системное на второе и третье места (прямое следствие «белоленточной революции» 2011–2012 гг. и последовавшего за ней ужесточения репрессивного законодательства [Korgunyuk, 2014; Коргунюк, 2019]).

В 2014 г. украинский кризис вывел на первый план системное измерение – между «ястребами», или империалистами (подавляющее большинство российских партий), и «голубями», или антиимпериалистами (исключительно либералы). Авторитарно-демократическое и социально-экономическое измерения отодвинулись соответственно на второе и третье места [Коргунюк, 2019]. Та же ситуация сохранялась и на думских выборах 2017 г. [Коргунюк, 2017].

И вдруг в 2021 г. количество измерений увеличилось до четырех, а их характер стал менее определенным, более расплывчатым. Тому есть, как представляется, несколько причин.

В первую очередь, рост числа вопросов, относящихся к внешнеполитической и мировоззренческой сферам и их выделение из ранее единой системной области. Из табл. 6 видно, что противостояние «ястребов» и «голубей» доминировало во втором поли-

тическом измерении, а мировоззренческое противостояние между советскими традиционалистами и прогрессистами – в третьем.

Во-вторых, значительный рост социальных претензий к власти со стороны населения. Это привело к разделению социально-экономического измерения на две части: социальную и экономическую. Социальная, в наиболее ярком виде воплощенная в противостоянии власти и оппозиции, стала доминировать в первом политическом измерении, отодвинув на задний план внешнеполитическую и мировоззренческую (в сумме – системную) составляющую; а экономическая, выражающаяся в противостоянии либеральных рыночников и социал-протекционистов, – в четвертом.

Наконец, свою роль сыграло появление новых игроков, не вписывающихся в прежнюю расстановку сил, – прежде всего «Новых людей» и «Зеленой альтернативы». Их особая позиция по ряду важнейших вопросов (чаще всего просто отсутствующая) породила ряд субизмерений, которые наложили отпечаток и на основные политические измерения, за исключением, пожалуй, первого.

Политическая интерпретация электоральных размежеваний

Все вышесказанное относится к политическому пространству, формируемому межпартийной дискуссией и отражающему сознание элит, которым присуще хотя и субъективное, но достаточно целостное видение этого пространства. Совсем другое дело – пространство электоральное, подчиняющееся интенциям массового сознания. Последнее достаточно фрагментированно, поскольку большинство избирателей не способно воспринимать политический ландшафт целиком и смотрит на него через призму своих социальных проблем.

Чтобы понять, находят ли отклик поднимаемые элитами (партиями) вопросы у большинства избирателей, необходимо сравнить, насколько конгруэнтны политические (суб)измерения факторам территориального различия в партийном голосовании (электоральным размежеваниям). Это можно сделать с помощью корреляционного анализа (табл. 7).

Таблица 7

**Корреляционные связи между электоральными
размежеваниями и политическими измерениями
и субизмерениями на выборах-2021**

Variable	Корреляции Выделенные корреляции значимы при $p < 0,05000$ N=14 (количество случаев)		
	ЭР-1	ЭР-2	ЭР-3
Политическое измерение – 2	0,608	0,396	-0,021
	p=,021	p=,161	p=,944
Внутриполитическое: власть – оппозиция	0,743	-0,011	0,141
	p=,002	p=,971	p=,631
Социально-экономическое: власть – оппозиция	0,626	-0,208	0,256
	p=,017	p=,476	p=,377
Социально-экономическое: рыночники – социал-протекционисты	0,038	-0,534	0,381
	p=,898	p=,049	p=,179
Мировоззренческое: либералы – консерваторы	-0,044	-0,751	0,259
	p=,881	p=,002	p=,372

Определенное совпадение политического и электорального пространства налицо, но полной конгруэнтности нет. Первый фактор территориальных различий в партийном голосовании наиболее тесно связан с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере (авторитарно-демократическое субизмерение), но также и с противостоянием власти и оппозиции в социально-экономической сфере, а заодно и со вторым основным политическим измерением, которое, напомним, представляло собой симбиоз внешнеполитического («ястребы» – «голуби») и авторитарно-демократического противостояний.

Второй фактор территориальных различий в наибольшей степени был связан с противостоянием либералов и консерваторов в мировоззренческой сфере, но также и с противостоянием рыночников и социал-протекционистов. На выборах 2016 г. противостояние рыночников и социал-протекционистов выигрывало у противостояния «ястребов» и «голубей» [Коргунюк, 2019].

Расхождение между электоральным и политическим пространствами России возникло в начале 2000-х. В 1990-х доминирующее электоральное размежевание в наибольшей степени коррелировало с социально-экономическим и мировоззренческим измерениями, которые занимали ведущие позиции и в политическом пространстве.

С приходом к власти В. Путина первое электоральное размежевание приобрело отчетливую авторитарно-демократическую окраску, притом что в иерархии политических измерений авторитарно-демократическое противостояние оставалось на третьем месте. Основными причинами этого были централизация административного ресурса (в 1990 г. он находился главным образом в руках региональных элит), усиление административного давления на избирателей, рост электоральных манипуляций и фальсификаций.

Ситуация не изменилась и после 2014 г., когда на первое место в политическом пространстве вышло противостояние «ястребов» и «голубей» (системное измерение), авторитарно-демократическое измерение отошло на второе место, а социально-экономическое на третье [Коргунюк, 2017; Коргунюк, 2019].

На выборах 2021 г., как можно заметить, усложнение структуры политического пространства не повлекло за собой особых изменений в пространстве электоральном, если не считать того, что у второго электорального размежевания ослабела социально-экономическая составляющая и усилилась мировоззренческая.

Социальная база электоральных размежеваний

Электоральное размежевание – это политическое противостояние, имеющее социальную подоплеку, и эту социальную составляющую в нем необходимо вычленить. Количественные методы и здесь облегчают процесс.

Выше уже говорилось, что факторный анализ присваивает переменным (партиям) факторные нагрузки (factor loadings), а случаям (территориальным единицам) – факторные оценки (factor scores). Последние, в частности, приведены в табл. 2. Эти факторные оценки можно сравнить с демографическими и социально-экономическими показателями соответствующих регионов.

Д. Слайдер, В. Гимпельсон и С. Чугров, впервые применившие факторный анализ для выявления электоральных размежеваний, использовали с этой целью корреляционный анализ [Slider, Gimpelson, Chugrov, 1994]. Позже данная методика была применена к польским выборам Т. Зарицким и А. Новаком [Zarycki, 1999; Zarycki, Nowak, 2000; Zarycki, 2002]. А. Ахременко использовал с той же целью множественную линейную регрессию [Ахременко,

2007]. Проблемой при этом оставался методологический запрет на включение в анализ высоко коррелирующих между собой демографических и социально-экономических показателей, используемых в качестве независимых переменных (присутствие таких показателей способно сильно исказить результаты множественной линейной регрессии). Чтобы решить эту проблему, я в свое время начал подвергать сами эти показатели факторному анализу и использовать для сравнения полученные в результате факторные оценки регионов [Коргунюк, 2013; Korgunyuk, 2014].

На основе 28 взятых с сайта Роскомстата¹ демографических и социально-экономических показателей субъектов Федерации на начало 2021 г. [Коргунюк, 2023, табл. 9] факторный анализ выделил пять факторов межрегиональной социально-демографической дифференциации, которые были интерпретированы как: 1) демографические характеристики; 2) уровень урбанизации; 3) социальное благополучие населения; 4) экономическая самостоятельность населения; 5) социальная поддержка населения.

Для поиска связей между факторными оценками регионов в электоральном и социально-демографическом пространствах была использована множественная линейная регрессия, позволяющая учитывать кумулятивный эффект наложения нескольких факторов социально-демографической дифференциации. Факторные оценки в электоральном пространстве использовались как зависимые переменные, факторные оценки в социально-демографическом пространстве – как независимые.

Регрессионный анализ обнаружил связь с социально-демографическими факторами только у первых двух электоральных размежеваний.

Первое электоральное размежевание («Единая Россия» против остальных) оказалось связано в первую очередь с урбанизацией, затем с социальным благополучием и в наименьшей степени с демографическими характеристиками (табл. 8) – чем выше уровень урбанизации, тем менее охотно избиратели голосовали за «Единую Россию», и напротив, уровень социального благополучия региона и его демографический состав (в частности, доля нетрудо-

¹ Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата посещения: 11.08.2023).

способного населения) положительно влияли на поддержку «партии власти».

Таблица 8

Регрессионные модели связей между факторами территориальных различий в партийном голосовании и факторами межрегиональной социально-демографической дифференциации

	Электоральное размежевание – 1	Электоральное размежевание – 2
Коэффициент детерминации- R^2 (p-level)	0,544 (0,000)	0,225 (0,000)
	Beta-коэффициент (стандартная ошибка)	
1. Демографические характеристики	0,163 (0,075)	0,220 (0,098)
2. Уровень урбанизации	-0,545 (0,075)	
3. Социальное благополучие	0,472 (0,075)	-0,318 (0,098)
4. Экономическая самостоятельность		-0,270 (0,098)

Второе электоральное размежевание (либералы против консерваторов и социал-протекционистов) связано прежде всего с социальным благополучием и экономической самостоятельностью населения: чем менее благополучен регион и более самостоятельно его население, тем более оно готово поддержать либералов, при этом к поддержке консерваторов и социал-протекционистов склоняет пожилый возраст.

Таким образом, с известной долей уверенности можно предположить, что противостояние власти и оппозиции во внутривнутриполитической и социально-экономической сферах связано прежде всего с уровнем урбанизации, а противостояние либералов и консерваторов (социал-протекционистов) – с социальным благополучием населения и с его экономической активностью.

Специальные инструменты измерения электоральных размежеваний

Предыдущие изыскания не отражают того, какая часть голосующих охвачена выявленными электоральными размежеваниями, сколько из них руководствуются политическими предпочтениями и в какой степени их выбор обусловлен социальными факторами.

Между тем высчитать эти показатели можно. Известны доли голосов, полученных партиями в целом по стране, а их факторные нагрузки (factor loadings) указывают на степень вовлеченности партии в каждое из размежеваний. Если перемножить проценты голосов и факторные нагрузки партий по каждому из размежеваний, получится своего рода коэффициент их участия в данных размежеваниях. Они будут носить как отрицательный, так и положительный характер, но если сложить их модули, то получится коэффициент **максимального ареала** (Mc), указывающий максимально возможное число избирателей, участвующих в каждом размежевании.

Его формула имеет следующий вид:

$$Mc = \sum_p^n |FLp|,$$

где p – доля голосов, полученных каждой партией по пропорциональной системе; n – количество партий, участвовавших в голосовании; $|FLp|$ – модуль факторной нагрузки каждой партии по данному размежеванию.

Коэффициенты участия партий в размежеваниях с положительным и отрицательным знаками указывают соотношение сторон. Если одна из них значительно превосходит другую, нельзя говорить о равной борьбе. Скорее всего, она ведется на периферии ареала более сильного противника, имеющего некие преимущества. Поэтому полезнее ориентироваться на слабейшую сторону, показатели которой сообщают, для какой части электората борьба была относительно конкурентной.

Отсюда возникает понятие **эффективного ареала** электорального размежевания, коэффициент которого рассчитывается путем удвоения ареала слабейшей стороны противостояния по следующей формуле: $Ec = 2Mc_{\min}$, где $Mc_{\min}$ – ареал более слабой стороны размежевания¹.

Коэффициент максимального ареала показывает, какую долю избирателей то или иное электоральное размежевание могло охватить теоретически, а коэффициент эффективного ареала – какую долю оно охватывало скорее всего на самом деле. Выяснить же, для какой доли избирателей выбор обуславливался политическими

¹ Образец таблицы расчета коэффициентов максимального и эффективного ареалов можно найти в [Коргунюк, 2019 а, табл. 10].

предпочтениями и социальным положением, можно с помощью еще двух инструментов – коэффициентов политизации (Pc) и социализации (Sc).

Они получаются умножением коэффициента эффективного ареала размежевания на коэффициент детерминации связи факторных нагрузок партий в электоральном пространстве с их же факторными нагрузками в политическом и социально-демографическом пространствах. Использование коэффициентов детерминации, т.е. возведенных в квадрат коэффициентов корреляции (парной и множественной), для расчетов в электоральной сфере, – практика хрестоматийная [Ахременко, 2006, с. 129–130, 141–142].

Формула **коэффициента политизации**: $Pc = Ec \times R^2$, где R^2 – наиболее высокий коэффициент детерминации связи ЭР с одним из политических (суб)измерений.

Формула **коэффициента социализации**: $Sc = Ec \times R^2$, где R^2 – коэффициент детерминации, отражающий связь ЭР с набором социально-демографических факторов.

Для расчета коэффициента политизации пришлось использовать парную корреляцию, поскольку число случаев (14 – по количеству участвующих в выборах партий) слишком мало для множественной регрессии. А вот количество случаев (субъектов Федерации) – 85 – при расчете коэффициента социализации оказалось достаточно и для множественной регрессии.

В табл. 9 приведены все вышеуказанные коэффициенты для думских выборов 2021 г. Как видим, самый большой коэффициент максимального ареала у первого электорального размежевания (более 80), у второго он почти вчетверо ниже (более 20), у третьего еще вдвое ниже (чуть больше 11). Разница между коэффициентами максимального и эффективного ареалов, которая указывает на уровень конкуренции (чем она меньше, тем больше конкуренция), оказывается максимальна в первом ЭР – почти 15%, во втором эти показатели практически равны, в третьем разница тоже невелика.

Что касается коэффициентов политизации и социализации электоральных размежеваний, то у первого электорального размежевания они практически равны по значению, а вот у второго Pc более чем вдвое превысил Sc , из чего можно заключить, что политические мотивы повлияли на выбор избирателей сильнее, чем их социальное положение.

По третьему электоральному размежеванию о коэффициентах политизации и социализации говорить не приходится – статистически значимых связей с политическим и социально-демографическим пространствами у него не выявлено. Следовательно, его можно считать случайной флуктуацией.

Таблица 9

Коэффициенты максимального и эффективного ареалов, политизации и социализации электоральных размежеваний на думских выборах 2021 г.

	Электоральное размежевание – 1	Электоральное размежевание – 2	Электоральное размежевание – 3
Максимальный ареал	80,56	20,57	11,22
Эффективный ареал	65,70	20,14	9,75
Коэффициент политизации	36,24	11,35	–
Коэффициент социализации	35,76	4,53	–

Трактовать эти показатели можно следующим образом. Первое электоральное размежевание охватывало от 65 до более 80% избирателей, принявших участие в голосовании, но, скорее всего, разницу между этими двумя значениями обеспечило подыгрывание властей «Единой России» – посредством как односторонней пропаганды и неравных правил игры, так и прямых вбросов [Выборы строгого режима... 2022]. Доля же избирателей, чей выбор был обусловлен политическими предпочтениями и социальным положением, составляла около 36%.

Соотношение сил по второму электоральному размежеванию было примерно равным, что говорит о его вполне конкурентном характере. Оно охватывало немногим более 20% избирателей, половина из которых сделала свой выбор исходя из политических предпочтений. Выбор примерно 5% имел социальную подоплеку.

Третий фактор территориальных различий в партийном голосовании, судя по всему, был «мусорным». Охватывая около 10% избирателей, он не имел тем не менее ни политической интерпретации, ни социальной базы и не может быть признан электоральным размежеванием.

Разумеется, приведенные цифры носят условный и не очень надежный характер. Вероятно, они обозначают некие границы, которые не может превысить доля избирателей, охваченных тем или иным электоральным размежеванием. Но и такие приближи-

тельные данные позволяют сравнивать различные случаи не «на глаз», а опираясь на конкретику, что открывает путь для дальнейшего совершенствования методик.

Заключение

Массовая компьютеризация существенным образом повлияла на развитие социального знания, создав, в частности, широкое поле для использования математических методов. То, что раньше требовало приглашения специалистов со стороны, теперь сделалось рутинной, доступной в том числе и гуманитариям.

В результате расширились возможности исследователей свободно экспериментировать, не сталкиваясь с проблемой дефицита машинных мощностей. Там, где в былые времена требовались усилия целых институтов, теперь достаточно не самого мощного персонального компьютера.

В статье продемонстрировано, каким образом использование математических методов, входящих в стандартный статистический пакет (SPSS, Statistica и пр.) углубляет и расширяет возможности изучения электоральных размежеваний и политических (суб)измерений.

Выявлять размежевания стало возможным не «на глаз», как прежде, но опираясь на конкретные данные, получаемые с помощью корреляционного и факторного анализа. Последний, в частности, позволил вычленять не только главное размежевание, но и менее заметные, лежащие в его тени.

То же самое касается и политической интерпретации электоральных размежеваний, ранее основывавшейся больше на исследовательской интуиции. Тот же факторный анализ позволил редуцировать множество межпартийных противостояний по отдельным вопросам (issues) в политические измерения (issue dimensions) и суб-измерения в отдельных предметных областях (issue domains).

Корреляционный и регрессионный анализ сделали возможным определить степень соответствия пространства электоральных размежеваний пространству политических (суб)измерений и социально-демографических факторов.

Полученные в результате показатели – факторные нагрузки (factor loadings) электоральных размежеваний, политических (суб)измерений и социально-демографических факторов, квадраты

коэффициентов парной и множественной регрессии (коэффициенты детерминации) – создали базу для выработки новых инструментов измерения размежеваний: коэффициентов максимального и эффективного ареалов, а также коэффициентов политизации и социализации электоральных размежеваний.

Можно надеяться, что в дальнейшем использование этих инструментов позволит дать ответ на многие другие интересующие исследователей вопросы.

Yu.G. Korgunyk*

Cleavage theory and quantitative methods in political science

Abstract. The article demonstrates how the use of mathematical methods deepens and expands the possibilities of studying electoral cleavages and political (sub)dimensions. It is noted that factor analysis makes it possible to reveal not only the main cleavage, but also less noticeable, lying in its shadow, as well as to reduce the set of inter-party confrontations on individual issues into political (issue) dimensions and sub-dimensions in issue domains.

Further, correlation and regression analyses provide an opportunity to check to what extent the space of electoral divisions is congruent with the space of political (sub)dimensions and socio-demographic factors. The resulting indicators – factor loadings of electoral cleavages, political (sub)dimensions and socio-demographic factors, determination coefficients – form the basis for creation of new tools for measuring cleavages: coefficients of maximum and effective range, as well as politicization and socialization coefficients of electoral cleavages.

Keywords: mathematical methods in political science; electoral cleavages; political dimensions; tools for measuring electoral cleavages

For citation: Korgunyk Yu.G. Cleavage theory and quantitative methods in political science. *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 95–126. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.04>

References

- Akhremenko A.S. *Political analysis and forecasting: textbook*. Moscow: Gardariki, 2006, 333 p. (In Russ.)
- Akhremenko A.S. *The structure of the electoral space*. Moscow: Socio-political thought, 2007, 319 p. (In Russ.)

* Korgunyk Yuri, INION RAN (Moscow, Russia), e-mail: partinform@mail.ru

- Albright J.J. The multidimensional nature of party competition. *Party politics*. 2010, Vol. 16, N 6, P. 699–719.
- Bornschieer S. *Cleavage politics and the populist right: the new cultural conflict in Western Europe*. Philadelphia: Temple university press, 2010, 260 p.
- Budge I., Homola J. How far have european political parties followed the Americans to the right in the later post-war period? *Cambio. Rivista sulle Trasformazioni Sociali*. 2012, N 2 (4), P. 71–86.
- Budge I., Robertson D., Hearl D. (eds). *Ideology, strategy and party change: spatial analyses of post-war election programmes in 19 democracies*. Cambridge: Cambridge university press, 1987, P. 15–38.
- Dalton R. The structure of political relations. *Political science (RU)*. 2004, N 4, P. 235–241. (In Russ.)
- Franklin M. The decline of cleavage politics. In: Franklin M., Mackie T., and H. Valen (eds). *Electoral change: Responses to evolving social and attitudinal structures in Western countries*. Cambridge, UK: Cambridge university press, 1992, P. 381–402.
- Gaidar E.T. *A long time. Russia in the World: essays on economic history*. Moscow: Delo, 2005, 1070 p. (In Russ.)
- Häusermann S., Kriesi H. What do voters want? Dimensions and configurations in individual-level preferences and party choice. *The politics of advanced capitalism*. Cambridge: Cambridge university press, 2015, P. 202–230.
- Hooghe L., Marks G. Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage. *Journal of European public policy*. 2018, Vol. 25, N 1, P. 109–135.
- Hooghe L., Marks G., Wilson C.J. Does left/right structure party positions on European integration? *Comparative political studies*. 2002, Vol. 35, N 8, P. 965–989.
- Inglehart R. *Cultural shift in advanced industrial society*. Princeton, NJ: Princeton university press, 1990, 504 p.
- Kitschelt H., Mansfeldova Z., Markowski R., Toka G. *Post-communist party systems: competition, representation, and interparty cooperation*. Cambridge: Cambridge university press, 1999, 476 p.
- Korgunyk Yu. Cleavage theory and elections in post-soviet Russia. *Perspectives on European politics and society*. 2014, Vol. 15, N 4, P. 401–415.
- Korgunyk Yu.G. Presidential elections in post-Soviet Russia through the prism of the concept of disengagement. *Politeia*. 2018, N 4, P. 32–69. (In Russ.)
- Korgunyk Yu. Issue dimensions and cleavages: how the Russian experience helps to look for cross-points. *Russian politics*. 2020, N 5, P. 206–235. DOI: <https://doi.org/10.30965/24518921-00502004>
- Korgunyk Yu.G. 2016 presidential campaign: electoral divisions, their political interpretation and social background. In: Kuznetsov A. (ed.). *The Trump Phenomenon*. Moscow: Institute of Scientific Information for the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2020, P. 50–67. (In Russ.)
- Korgunyk Yu.G. Cleavage theory and the issue dimensions theory: intersection points. *Polis. Political studies*. 2019, N 6, P. 95–112. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.08> (In Russ.)

- Korgunyu Yu.G. Elections by proportional system as a mass poll of public opinion. *Political science (RU)*. 2017, N 1, P. 90–119. (In Russ.)
- Korgunyu Yu.G. Electoral cleavage structure: 2021 State Duma Election. *Electoral politics*. 2023, N 1. Mode of access: <http://electoralpolitics.org/en/articles/struktura-elektoralnykh-razmezhevanii-po-itogam-dumskikh-vyborov-2021-goda> (accessed: 07/11/2023).
- Korgunyu Yu.G. New tools for measuring electoral divisions: from macro to micro level. *Electoral politics*. 2019 a, N 1. Mode of access: <http://electoralpolitics.org/en/articles/novye-instrumenty-izmereniia-elektoralnykh-razmezhevanii-ot-makro-k-mikrourovniu/> (accessed: 07.11.2023).
- Korgunyu Yu.G. The concept of demarcations and factor analysis. *Politeia*. 2013, N 3, P. 31–51. (In Russ.)
- Kriesi H., Grande E., Dolezal M., Helbling M., Hoglinger D., Hutter S., Wuest B. *Political conflict in Western Europe*. Cambridge: Cambridge university press, 2012, 349 p.
- Lachat R. Which way from left to right? On the relation between voters' issue preferences and left–right orientation in West European democracies. *International political science review*. 2018, Vol. 39, N 4, P. 419–435.
- Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction. In: Lipset S.M., Rokkan S. (eds). *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*. New York; London: The Free Press, Collier-MacMillan limited, 1967, P. 1–64.
- Lipset S.M., Rokkan S. (eds). *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York; London: The Free Press, Collier-MacMillan limited, 1967 a, 554 p.
- Lukyanova E., Poroshin E. (ed.). *High security elections. How Russian elections became non-elections, and what to do about it? Political and legal research with elements of mathematics*. Moscow: Thought, 2022, 400 p. (In Russ.)
- Rovny J., Polk J. New wine in old bottles: explaining the dimensional structure of European party systems. *Party politics*. 2019, Vol. 25, N 1, P. 12–24.
- Rovny J., Whitefield S. Issue dimensionality and party competition in turbulent times. *Party politics*. 2019, Vol. 25, N 1, P. 4–11.
- Sata R., Karolewski I.P. Caesarean politics in Hungary and Poland. *East European politics*. 2020, Vol. 36, N 2, P. 206–225.
- Slider D., Gimpelson V.E., Chugrov S. Political tendencies in Russia regions – evidence from the 1993 parliamentary elections. *Slavic review*. 1994, Vol. 53, N 3, P. 711–732.
- Stoll H. *Social cleavages, political institutions and party systems: putting preferences back into the fundamental equation of politics*. A dissertation submitted to the department of political science and the committee on graduate studies in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Santa Barbara: University of California, 2004. Mode of access: <http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf> (accessed: 27.06.2023).
- Teney C., Laceywell O.P., de Wilde P. Winners and losers of globalization in Europe: attitudes and ideologies. *European political science review*. 2014, Vol. 6, N 4, P. 575–95.
- Torcal M., Mainwaring S. The political recrafting of social bases of party competition: Chile, 1973–95. *British journal of political science*. 2002, N 33, P. 55–84.

- Zarycki T. Four dimensions of center-periphery conflict in the Polish electoral geography. In: *Social change. Adaptation and resistance*. Warsaw: Warsaw University – Institute for Social Studies, 2002, P. 19–38.
- Zarycki T. The New electoral geography of central Europe. *Research support scheme electronic library*, Open Society Institute, Budapest, 1999, 81 p.
- Zarycki T., Nowak A. Hidden dimensions: the stability and structure of regional political cleavages in Poland. *Communist and post-communist studies*. 2000, Vol. 33, N 2, P. 331–354.

Литература на русском языке

- Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2006. – 333 с.
- Ахременко А.С. Структура электорального пространства. – М.: Социально-политическая мысль, 2007. – 319 с.
- Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. – М.: Дело, 2005. – 1070 с.
- Далтон Р. Структура политических связей // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 235–241.
- Коргунок Ю.Г. Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения // Политическая наука. – 2017. – № 1. – С. 90–119.
- Коргунок Ю.Г. Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 95–112. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.08>
- Коргунок Ю.Г. Концепция размежеваний и факторный анализ // Полития. – 2013. – № 3. – С. 31–51.
- Коргунок Ю.Г. Новые инструменты измерения электоральных размежеваний: от макро- к микроуровню // Электоральная политика. – 2019 а. – № 1. – Режим доступа: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/novye-instrumenty-izmereniia-elektoralnykh-razmezhevanii-ot-makro-k-mikrourovniu/> (дата посещения: 11.07.2023).
- Коргунок Ю.Г. Президентская кампания 2016 г.: электоральные размежевания, их политическая интерпретация и социальный бэкграунд // Феномен Трампа / под ред. А.В. Кузнецова. – М.: ИНИОН РАН, 2020. – С. 50–67.
- Коргунок Ю.Г. Президентские выборы в постсоветской России через призму концепции размежеваний // Полития. – 2018. – № 4. – С. 32–69.
- Коргунок Ю.Г. Структура электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2021 года: тенденции трансформации и подходы к изучению // Электоральная политика. – 2023. – № 1 Доступ: <http://electoralpolitics.org/ru/articles/struktura-elektoralnykh-razmezhevanii-po-itogam-dumskikh-vyborov-2021-goda/> (дата посещения: 11.07.2023).
- Выборы строгого режима. Как российские выборы стали невыборами, и что с этим делать? Политико-правовое исследование с элементами математики / под ред. Е. Лукьяновой, Е. Порошина. – М.: Мысль, 2022. – 400 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Позиции партий по отношению
к муниципальному фильтру на лето 2021 г.**

Партия	Позиция	Средний балл (от -5 до +5)
1	2	3
«Единая Россия»	С. Неверов: «В Госдуме готовы обсуждать идею отмены муниципального фильтра для парламентских партий» (05.08.2020)	+4
КПРФ	Заксобрание Санкт-Петербурга: «Фракция [КПРФ] принципиально выступала за: ...выборы губернатора Санкт-Петербурга без “муниципального фильтра”...» (18.06.2021) А. Наумов: «КПРФ решительно выступает за отмену вала запретов и “фильтров”...» (26.06.2021) О. Смолин: «...сказав “а” – верните прямые выборы, нужно говорить и “б” – давайте отменим муниципальный фильтр» (14.07.2021)	–5
«Справедливая Россия – За Правду»	М. Емельянов: «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ЗА ПРАВДУ выступает за отмену муниципального фильтра на выборах губернаторов и др.» (02.06.2021) О. Шеин: «...мы за то, чтобы ...были прямые всенародные выборы, без всяких муниципальных фильтров» (14.07.2021) Г. Семигин: «Вернуться к проведению всенародных выборов глав регионов, муниципальных образований, городов и районов без каких-либо барьеров и “фильтров”» (22.07.2021) С. Миронов: «...мы ...много лет боремся против муниципального фильтра – этого позорного явления, которое превращает выборы в фикцию» (28.07.2021)	–5
ЛДПР	И. Зикунва: «Подвергать сомнению ответственность депутатов муниципального уровня как минимум необоснованно, так как этих людей выбрали граждане. Там муниципальный фильтр становится сигналом для избирателей быть внимательными к своему праву избирателя, интересоваться кандидатами, их репутацией, опытом работы, политической платформой» (05.03.2021) А. Шерин: «И мы прекрасно понимаем, зачем ... устанавливают муниципальный фильтр для участия в выборах губернаторов» (27.04.2021)	+1

Продолжение таблицы

1	2	3
«Яблоко»	Б. Вишневский: «... избирались они без реальной конкуренции, при заранее заботливо отсеченных при помощи “муниципального фильтра” мало-мальски опасных соперниках и при полном господстве административного ресурса» (24.03.2021) С. Митрохин: «Это просто заградительный барьер, который даже при поддержке партии преодолеть невозможно» (24.03.2021) А. Гнездилов: «За счет муниципального фильтра избирательная борьба практически всегда фиктивна» (11.05.2021)	–5
«Коммунисты России»	Предвыборная платформа: «Мы ...снизим муниципальный фильтр на выборах губернаторов регионов» (30.06.2021) «Хабаровское краевое отделение ...не будет принимать участие в выборах губернатора... Крайне сложно преодолеть искусственно созданный буржуазный фильтр» (02.08.2021)	–1
Рос. партия пенсионеров за социальную справедливость		0
РЭП «Зеленые»	«Алексей Гусенков особо остановился на минимизации формальных фильтров на участие партий в выборах различных уровней» (10.12.2013)	–1
«Гражданская платформа»	«[А.] Юшин выступает за ...выборность мэров и губернаторов, отмену муниципальных фильтров и запрет любому выборному лицу занимать должность более двух сроков подряд» (13.09.2021)	–2
Партия роста	О. Чернов: «...новые политические структуры не хотят пускать во власть, устанавливая всевозможные фильтры» (11.03.2021)	–1
«Родина»	М. Косенков: «Бессмысленно выдвигаться тогда, когда зарегистрироваться невозможно. прежде чем стать зарегистрированным кандидатом на должность главы администрации области, необходимо собрать в поддержку такого выдвижения подписи муниципальных депутатов, большинство которых представители партии власти» (10.06.2020)	–1
«Новые люди»	Предвыборная платформа: «Отменить барьеры ... отменить муниципальный фильтр на выборах губернаторов» (22.08.2021)	–4
«Зеленая альтернатива»		0
Российская партия социальной справедливости	М. Шевченко: «...власть нагло использует административный ресурс ...не допускает кандидатов оппозиционных до выборов губернаторов, контролируя муниципальный фильтр» (03.06.2021)	–2